

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Лисович И.И. Совершенствование тела, облагораживание чувств, обучение разума: об идеальной модели инкультурации в раннее Новое время // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76619 EDN: KOJJMF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76619

Совершенствование тела, облагораживание чувств, обучение разума: об идеальной модели инкультурации в раннее Новое время

Лисович Инна Ивановна

ORCID: 0000-0003-4694-7737

доктор культурологии, кандидат филологических наук

профессор; Общеакадемический факультет; ФГБОУВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ"

119571, Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, пр-кт Вернадского, д. 82 стр. 1

✉ mag-inna@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76619

EDN:

KOJJMF

Дата направления статьи в редакцию:

04-11-2025

Аннотация: В раннее Новое время возникает множество утопий и проектов, в которых гуманисты пересматривают средневековые практики инкультурации, обратившись к античному пониманию культуры. Предметом исследования является европейский ренессансный идеал инкультурации раннего Нового времени. В центре внимания находится анализ гуманистической модели инкультурации, целостно представленный в книге-полилоге Бальдассаре Кастильоне «Придворный». Предметом спора придворных становятся ряд ключевых взаимосвязанных аспектов: требование для придворного заниматься искусствами (наряду с традиционным военным) и философией; необходимость равного образования для придворной дамы; цель инкультурации идеального придворного (быть наставником правителя); представление о тождественности прекрасного, благого и полезного; неоплатоническое восхождение души от изменяющегося к неизменному истинному, от тьмы невежества к

просвещенности. В основу методологии исследования положен институциональный подход к инкультурации; компаративный метод и анализ дискурса, что позволило сопоставить разнородные дискурсы и точки зрения придворных, которые как взаимодополняют друг друга, так и вступают в полемику, в том числе апеллируя к средневековой и античной философии. Предложена авторская интерпретация идеальной ренессансной модели инкультурации, которая сочетает христианско-платоническое понимание добродетели, божественной любви и гармонии с античным философским и гражданским идеалом калокагии и пайдеи. В качестве цели инкультурации выступает добродетель, счастливая жизнь и процветание государства, что возможно, если придворный посвятит себя управлению, будет совершенен и опытен настолько, чтобы стать наставником правителя. Рукописная книга обрела популярность среди правителей, аристократии и дворян Европы до публикации в 1528 г., заложила принципы современной системы образования, среди которых, – гармоничное всестороннее развитие личности и равные возможности, благодаря этому результаты исследования можно использовать в разработке современных моделей инкультурации, опираясь на ренессансную гуманистическую традицию.

Ключевые слова:

Бальдассаре Кастильоне, инкультурация, гуманизм, платонизм, аристотелианство, наставничество, придворный-философ, тело, чувства, интеллект

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации «12.11-2025-1 Обоснование и разработка комплекса общеразвивающих программ образовательной организации высшего образования, направленных на развитие личностных и управленческих качеств студентов».

Гуманистические утопии и проекты, направленные на преобразование социальных институтов и формирование нового типа личности, основаны на радикальном пересмотре средневековых практик инкультурации, опорой же для них становится античное понимание культуры и идея продвижения к свету знания. Тем не менее, они не останавливаются на копировании и подражании древним, а предлагают новое целостное видение, которое легло в основу развития европейской системы образования, до сих пор сохраняющемся в ее принципах. Современное продолжение идей, представленных в книге Бальдассаре Кастильоне «Придворный», можно увидеть в модели качеств личности государственных служащих, предложенной Н.С.Гаркушей, Н.Б.Авалуевой и Е.Н.Кролевецкой, где субъектность личности проявляется в деятельности и развитии, ценностном отношении и познании, соответственно чему необходимо сформировать такие качества личности, как направленность, ценностные ориентации и интеллектуальный потенциал [\[8, с.31-36\]](#).

С переводом М. Фичино корпуса текстов Платона и неоплатоников на латинский язык ренессансная модель инкультурации целостно соединяет христианские, древнегреческие и древнеримские идеи и практики. Возрождение обширного античного наследия, сохраняя христианское мировоззрение базовым элементом, существенно трансформирует и ряд идей аристотелианства, воспринятого в рамках средневековой схоластики. «Придворный» (Il Cortegiano, 1516, опубл. 1528) написан в форме, восходящей к

платоновскому диалогу, где читатель в числе собеседников не видит автора, как и Платона, взявшего на себя долг записать беседы, услышанные им от свидетеля, в память о славном дворе Урбино. Причем исследователями данный текст часто рассматривается, как исторически достоверное свидетельство о реальных социокультурных практиках эпохи, оказавших существенное влияние на европейскую светскую культуру [\[2, 9, 10, 12\]](#).

По аналогии с идеальным Цицероновским оратором в полилоге создается на глазах читателя образ не существующего идеального придворного. Звучат голоса единомышленников, их оппонентов, ушедших философов, историков, поэтов, теологов и исторических деятелей через узнаваемые цитаты. Благодаря этому дискурс разворачивается как по принципу взаимодополнения, так и полемики. Линия противостояния проходит не между античной философией и средневековой теологией, а между школами Аристотеля и Платона, причем, гуманистический дискурс находится на стороне последнего: «предпочту заблуждаться вместе с Платоном, Ксенофонтом и Марком Туллием, рассуждавшими об умопостигаемом мире и идеях, среди которых, по их мнению, существуют идеи совершенного государства, совершенного государя, совершенного оратора: ибо в нем также существует и идея совершенного придворного» [\[4, с.11\]](#).

Ключевое понятие, определившее гуманистическое виденье – культура в Цицероновском понимании, согласно которому человек не довольствуется способностями, данными от природы, а должен при помощи философии возделывать душу, чтобы получить плоды в виде цивилизации и добродетелей [\[11\]](#). Книга Кастильоне близка по своему жанру «Тускуланским беседам», которые включают рассуждения о различных философских учениях и понятиях, стихотворные тексты, отсылки к обычаям и традициям, мифическим, историческим и современным событиям.

Цицероновское представление восходит к платоновскому «Тимею» и неоплатоникам, определяется онтологией, где мир разделен на неизменное и рождающееся, последнее стремится к гармонии Космоса, сотворенного Демиургом. Соответственно, человек должен культивировать и развивать телесные и духовные качества, которые позволят ему приблизиться к утраченной идеальной божественной сущности себя, поскольку тело – одеяние / сосуд для души и отражает ее состояние [Еф. 4:20-24]. Практическая философия в данном контексте проявляет себя в виде идей калокагии и пайдеи, возрождаемых гуманистами.

В активной жизненной позиции проявляется и христианская составляющая, так как человек, во смирении следуя за Христом в его божественной сущности и человеческом теле, стремится к спасению, и его воскресшее тело (одежды души) также предстанут перед Судьей. Гуманисты интерпретировали историю о сотворении Адама по образу и подобию Божию, увидев божественный дар человека в творческой энергии, благодаря которой он способен преобразовывать себя, общество, государство и физический мир.

Следовательно, необходимость менять себя обусловлена христианским представлением о греховности человеческой природы в сочетании с неоплатоническим представлением о теле – земной темнице души, лишаящей ее духовного созерцания божественной истины, поэтому ей следует прививать добродетели и избавлять от тьмы невежества, облагораживать чувства (вестники души), тогда душа «божественной добродетелью одерживает верх над вещественной природой, своим светом одолевая мрак тела» [\[4, с.506\]](#). Инкультурация (возделывание души и тела) возможно при наличии свободы и

воли к совершенству, что побуждает гуманистов полемизировать с учениями о предопределении (августинизм, кальвинизм и т.п.) и аристотелевскими представлениями о необходимости и причинности (материальной, формальной, действующей и целевой), управляющей миром физическим и метафизическим [\[1, т.1, с. 151-152, 170-171\]](#).

Так в марте 1507 года благородное собрание в остроумной игре-беседе создает идею придворного [\[4, с.13\]](#) за четыре дня, посвященные почитаемым Платоном и Аристотелем кардинальным добродетелям, необходимым для управления государством; и христианским добродетелям, связующим человека и Бога. Повествовать о качествах, необходимых совершенному придворному, выбирают в наибольшей степени преуспевшего в той или иной добродетели, по мнению направляющих беседу герцогини Елизаветы Гонзага и дамы Эмилии Пиа, в которых можно увидеть проявление божественной Мудрости Софии, Любви и Красоты. Лудовико ди Каносса из веронских графов посвящает свой рассказ Мужеству (силе тела и духа) и Умеренности, во второй день знатный генуэзец Федерико Фрегосо рассуждает о Благоразумии, в третий Джулиано де Медичи (Маньфико) повествует о Справедливости правителя и создает идеальную придворную даму (*donna di palazzo*), и последний день Пьетро Бембо завершает гимном божественным добродетелям – Любви, Вере и Надежде.

Собрание проходит в Палаццо Дукале в Урбино, где находится сохранившийся по сей день кабинет – студиоло, созданный в 1473-1476 просвещенным монархом Федерико да Монтефельтро, отцом графа Гвидобальдо. Помещение украшено ренессансными мастерами по рисункам Рафаэля аллегорическими изображениями добродетелей, искусств, наук и великих людей, о которых ведется речь в диалоге [\[7\]](#). Кабинет служит визуальной канвой для книг Кастильоне и «театром памяти» для игры о «придворной жизни», подчеркивает преемственность поколений к сыну от венценосного отца-наставника, обладающего упомянутыми добродетелями, служит фундаментом новой придворной культуры, основой для инкультурации человека и сообщества нового склада, представленного через «живописный портрет урбинского двора» [\[4, с.9\]](#).

Граф Лудовико в первый день представляет эталон придворного, восходящий к античным представлениям о калокагии, полагая, что он должен иметь «от природы не только ум, красивые стать и лицо, но и некое изящество» [\[4, с.26\]](#), благородное происхождение наделяет его способностями, закладывает стремление следовать семейным традициям, законам чести и преумножать славу рода [\[2\]](#). Собравшиеся обсуждают, насколько важно благородное происхождение для идеального придворного, воспроизводя диапазон мнений от гомеровского и феогаидовского архаичного представления о наследственной аристократии до сократической традиции, отождествляющей прекрасное, благое и полезное [\[11, т.1, с. 237-239\]](#), когда целью добродетели является прекрасное [\[1, т.4, с.316\]](#), благодаря чему калокагия – результат пайдеи, поскольку «всякий человек состоит из души и тела, а душа в свою очередь заключает в себе разум и страсти» [\[1, т.4, с.450\]](#).

Граф также полагает, что некоторые могут обладать «всеми благами души и тела» не только благодаря благородному семейному корню и доброму воспитанию, ими может наделить природа и благоприятное расположение звезд. При этом рожденные со средними способностями «могут усердием и трудами сгладить и выправить бóльшую часть природных недостатков» [\[13, с.26\]](#), также он признает наличие тех, кто не обладает прекрасным телом и душой и с трудом поддается образованию и воспитанию. Собеседники приводят множество примеров, иллюстрирующих, что придворный должен

проявлять непринужденное, свободное и изящное (грациозное) владение искусствами [\[14\]](#), в т.ч. и военным, необходимыми для служения правителю.

Жанр книги демонстрирует и формирует такую составляющую образования, как обучение навыкам коммуникации [\[22\]](#). В основе коммуникации придворных урбинского двора лежит вежливость в поведении [\[18\]](#), в отличие от вежливости в этикете [\[20\]](#). Придворный должен хорошо писать и изъясняться, чтобы точно, ясно, изящно и приятно выражать мысли. Книга начинается с обширного посвящения епископу Визеу, где Кастильоне размышляет о том, какие языки и наречия лучше – древние или новые, и этот спор периодически возникает далее [\[3\]](#). Собравшиеся занимают позицию, что для наилучшей коммуникации не стоит злоупотреблять устаревшими или умершими словами, которые никто не понимает, хотя они придают речи возвышенность или учёность. Гуманисты-придворные демонстрируют глубокие познания в античной философии, истории и словесности; отсылают к знаменитой библиотеке герцога Монтефельтро, где собраны книги на древнегреческом, латинском и древнееврейском, и приходят к заключению, что знание древних языков необходимо. Для придворного важно в совершенстве владеть «народным языком», а для дипломатии – современными европейскими языками (испанским, французским и т.д.). Граф Лудовико настаивает на том, что придворный кроме важного ораторского [\[21\]](#) должен владеть и искусством изящной словесности, чтобы понимать и ценить великие произведения.

Цель идеального придворного – наставление государя, поскольку правитель отвечает перед Богом за доверенный ему народ. Его власть, согласно библейской традиции, – божественна по своему происхождению, но государя необходимо оберегать от искушений, источником которых являются лжецы, льстецы и охотники за привилегиями. Ему необходим идеальный придворный, долг которого – говорить правителю правду. Придворный должен наставлять правителя добродетелях, важных государства: любовь к отечеству, народу и свободе, справедливость, почитание закона, благочестие, честность, великодушие и щедрость; во избежание мятежа не способствовать появлению крайностей – нищеты и роскоши [\[1, с.298-299\]](#).

Придворное искусство гармонично сочетает владение воинским мастерством, мусическими искусствами (поэзией, музыкой, танцами, живописью) и философией, поскольку правильное воспитание необходимо, «чтобы хорошим управлением дать досуг, покой и мир» [\[4, с.295\]](#), поскольку без досуга, в аристотелианском понимании, невозможно заниматься философией и управлением. Синьор Оттавио полагает, что добродетельные подданные, владеющие придворным искусством, делают великим и самого государя.

Оппоненты-аристотелики, возглавляемые Гаспаро Гонзага, сводят доблести и навыки придворного к военному делу, а дамы – к скромности и красоте, но платоновский страж должен обучаться философии, чтобы быть справедливым, великодушным к своим и суровым – к врагам. Оттавио, напротив, последовательно смещает фокус с придворного-военного на наставника правителя, уподобляя его и Аристотелю и Платону, наставлявшим Александра Македонского, который научил «добрым обычаям те варварские народы, которые одолел, <...> соединил Азию с Европой узами дружбы и святых законов» [\[4, с.303\]](#), и тирана Дионисия. Подчеркивается, что доброму придворному для осуществления его благородной цели требуется знать природу и наклонности государя, чтобы искусно получить его расположение и доверие, и затем вести к добродетели. Придворному и правителю, чтобы не оступиться в столь изменчивом мире,

необходимы такие качества, как умеренность и стойкость к ударам судьбы, каковую можно достичь посредством усовершенствования разумной части души.

Совершенные придворный и государь, оказываются философами, что не противоречит военной доблести, поскольку Сократ, Платон, Аристотель в качестве граждан защищали свой город с мечом в руках. Именно философы должны заниматься управлением государства в военное и мирное время. Собранные находят примеры доблестных правителей в прошлом (Александр Македонский), среди современных правителей (Гвидобальдо герцог Урбино, и др), и в молодом поколении одаренных талантами наследников (Генрих VIII, Карл V). Великие правители христианского мира посланы подданным Богом от достойного корня, что подчеркивает традиционную и наследственную составляющую власти, при этом не отменяет необходимости в обучении и воспитании монарха придворным-наставником.

Спор среди собравшихся вызвал вопрос об идеале придворной дамы и добродетелях, приличествующих ей [\[13\]](#). Гуманисты опираются на политические идеи инкультурации всех граждан – мужчин, женщин и детей Платона и Аристотеля [\[3\]](#). У Аристотеля обучение имеет целью поддержку имеющегося типа государства; у Платона его практический характер связан с идеей процветающего государства, где сословная принадлежность определяется в зависимости от предрасположенности, которая дополняется воспитанием [\[11, т.3, с.136-139, 421-423\]](#).

Маньифико и сеньор Чезаре отстаивают позицию Платона: женщин нужно воспитывать и образовывать как мужчин данного сословия, поскольку душа не обладает полом и человеческая сущность одинакова, а различие акцидентально и проявляет себя в том, что женщины телесно несколько слабее. Источником порчи оказывается низшая часть души, и поведение человека зависит от того, какая часть души и способ познания преобладают. В ответ на высказывание аристотеликов-оппонентов о большей склонности женщин к порокам, похоти и лживости гуманист указывает на их источник в изменяющемся мире и ненадлежащем воспитании, подчеркивая, что мужчинам свойственны те же пороки, более того, они часто искушают женщин, особенно красивых: «дурное воспитание, постоянные притязания любовников, подарки, бедность, надежды, обманы, страх и тысячи других вещей побеждают стойкость красивых и добрых женщин; по этим же или подобным причинам могут становиться преступными и красивые мужчины» [\[4, 506\]](#).

Синьор Гаспаро и его сторонники апеллируют к аристотелианскому представлению о женщине, ярко представленному в «Политике», согласно которому отношения мужчин и женщины онтологически определены и строятся по аналогии: форма – материя, душа – тело, земля – огонь. Хотя женщина и наделена человеческим разумом, в ней доминирует животная и растительная части души, поэтому она пассивна и должна быть управляема мужчиной: «мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [\[1, т.4, с.383\]](#). Соответственно мужская добродетель проявляется в управлении, а женская – в послушании и ведении домашнего хозяйства.

Маньифико опровергает высказывание о том, что женщина всегда должна находиться в подчинении, апеллируя к массе исторических и современных примеров женщин-воинов, философов и прекрасных правителей (Аспазия, Диотима, Гипатия, императрица Феодора, Изабелла I Кастильская, герцогиня Урбино и т.д.). Гуманисты полагают, что идеальному мужчине-придворному должна соответствовать идеальная женщина-придворная,

владеющая теми же искусствами и наделенная теми же добродетелями. Женщины, у которых преобладает созерцательное интеллектуальное познание, склонны к философии; разумное – к мусическим и другим искусствам (женщины-воины), а чувственное – к кухне и прялке (страстная и вожделеющая часть души). Образование дамы должно включать занятия воинским и мусическими искусствами (литературой, музыкой, живописью, танцами, красноречием) и философией, ее воспитание должно прививать такие добродетели как сдержанность, великодушие, осмотрительность, изящные манеры, повседневное умение поддерживать опрятность и телесную красоту.

Гуманисты, предлагая универсальное образование и воспитание для придворных и правителей, руководствуется идеей гармонии Космоса и процветания государства, что достижимо в условиях мира и невозможно при войне. Здесь мы видим влияние платоновского рассказа о некогда идеальном государстве Атлантида, смытом отцом-Посейдоном с лица земли, поскольку атланты утратили свою божественную сущность, предали забвению божественные законы и, ведомые завистью и алчностью, захватили и разграбили чужие земли. И Аристотель полагает, что «Конечной целью войны является мир, целью работы — досуг» [\[1, т.4, с.619\]](#). Оттавио вслед за ним подчеркивает, что государства, процветающие благодаря войне, разрушаются в мирное время, поэтому правитель и придворные для защиты своего государства должны быть искусны в военном деле, совершенны и прекрасны физически, а эвдемонии (счастливой и добродетельной жизни) можно достичь благодаря мирной жизни и досугу.

Именно досуг позволяет укрепить разумную часть души, погрузив ее в философское созерцание божественной красоты и в добродетельную жизнь, облагородить слух посредством музыки и поэзии, а зрение – живописи и архитектуры. Разумная часть души должна преобладать над страстной и вожделеющей (животной), поэтому досуг как форма счастливой жизни, приближающей человека к божественному состоянию противоположен праздности и чувственным удовольствиям.

Данные идеи и последующие гуманистические проекты объединяет мысль о том, что образование и воспитание дается поданным для процветания и благополучия государства. Источником добродетелей является установленный Творцом порядок, который проявляется в платоновском Космосе и зиждется на мере и пропорции. Гармония проявляет себя и в структуре платоновского государства, аналогичной стихиями: воздух – философы, огонь – стражи, земля и вода – земледельцы, ремесленники и торговцы. Подобно Космосу, описанное в «Придворном» государство живое, обладает единым, сложенным и иерархичным человекоподобным телом, состоящим из государя-головы, знати и народа; сочетает три вида «добраго правления – монархии, аристократии и народоправства» [\[4, с. 445\]](#).

Гуманисты включаются в полемику о достойном образе жизни (*modus vivendi*), счастья и благе человека, посвятившего себя государственной деятельности, начатую Аристотелем и продолженную христианскими теологами. В «Никомаховой этике» он вслед за Сократом и Платоном связывает эвдемонию с добродетелями и выделяет три образа жизни: скотский (чувственные удовольствия и наслаждения), государственный (почет) и созерцательный [\[4\]](#). При этом кажется парадоксом, урбинский двор отдает предпочтение жизни созерцательной (*vita contemplativa*), а не активной (*vita activa*). Здесь гуманисты отходят от позиции Аристотеля, предавшего управляющим *vita activa*, и следуют не за новозаветной Марфой, а за Марией, севшей у ног Христа. Собравшиеся посвящают четвертый день рассуждению о познании, и сами проходят этот путь, завершая его интеллектуальным созерцанием (*vita contemplativa*), обретая счастье в божественной

истине.

В рамках полемики о женщинах возникает еще один вопрос: является ли красота благом, на что схоласты дают отрицательный ответ, поскольку красота может быть результатом иллюзии, гуманисты – положительный: «благое и прекрасное в каком-то смысле суть одно и то же, особенно же в человеческих телах; ибо главнейшей причиной их красоты считаю я красоту души, которая, как сопричастница той истинной божественной красоты, озаряет и делает прекрасным то, чего касается» [\[4, с.505\]](#). При этом обе стороны согласны, что чувственное восприятие является причиной заблуждений и невежества, но гуманисты настаивают на том, что источник прекрасного – благое, божественное, поэтому она познается разумной частью души. Бембо подчеркивает, что чувственное и телесное познание прекрасного никогда не удовлетворит желание, а приводит к меланхолии. Прекрасное можно постичь только глазами (созерцание), следуя таким добродетелям как благородство, учтивость, благоразумие.

Бембо соединяет учение Платона о душе (состоящей из разумной, страстной и вожделеющей частей), христианским теологическим гносеологическим представлением, восходящим к учению Фомы Аквинского: «В нашей душе имеются три способа познания — чувством, разумом и интеллектом; от чувства проистекает вожделение, общее у нас с грубыми животными; от разума проистекает выбор, то есть свойственное человеку; от интеллекта же, которым человек может общаться с ангелами, проистекает воля. Как чувство познает чувственно воспринимаемые вещи, вожделение только их одних и желает; как интеллект обращен лишь к созерцанию вещей умопостигаемых, то и соответствующая ему воля питается лишь духовными благами» [\[4, с.493\]](#).

Гуманисты согласны с Аристотелем и Платоном, что чувственные наслаждения питают вульгарную часть души, поэтому придворный должен руководствоваться разумом, который ведет к созерцательной жизни и добродетели. Данная цель коррелирует с мифом о пещере, поскольку на основании чувств мы получаем иллюзорное представление, а свет вечной истины познаем интеллектом. Воспитание чувств, страстей и органов восприятия [\[17\]](#) происходит посредством любви, что раскрывается в противопоставлении любви молодого и немолодого придворных к прекрасной даме, а также отсылает к платоновскому «Пиру» и петраркистскому поэтическому идеалу. Любовь оказывается основным путем-восхождением от чувственного к познанию божественного [\[16, 19\]](#), ее предназначение раскрывается в сочетании с такими взаимосвязанными категориями, как красота, гармония, благо, добродетель, польза.

Бембо в заключительном гимне любви соединяет аристотелианское представление, согласно которому Перводвигатель (целевая причина) движет «как предмет любви [любящего], а приведенное ею в движение движет остальное» [\[1, т.1, с.309\]\[5\]](#); платоновскую идею о любви (Эросе) как божестве, связующем бренное с небесным [\[6, с.119-122\]\[6\]](#); неплатоническое восхождение от чувственного познания к созерцанию, от земной красоты и любви к божественной, очищающей от порока и пробуждающей небесную душу [\[7\]](#). Апофеоз любви проявляет себя в метафоре смерти любящего как соединении с божественным началом, что символизирует христианскую жертвенную природу и обретение Любви Небесной [\[8\]](#). Так пламя божественной любви возникает среди собрания, достигшего калокагии, поскольку ей «угодно обитать в цвете прекрасных тел и прекрасных душ и оттуда порой помалу являть себя глазам и умам достойных тебя видеть, думаю, что твоя обитель сейчас — здесь, среди нас» [\[4, с.523\]](#).

Придворная игра представляет собой очищение от пороков тела, обмана чувств и невежества души, неоплатоническое восхождение от тьмы незнания посредством очищения истинной философией к интеллектуальному познанию, возможному только для окрыленной любовью души, поэтому важнейшим элементом композиции книги является время. Беседы начинаются вечером с появлением на западе вечерней Венеры (Веспера) и заканчиваются с первыми лучами зари, с появлением на востоке утренней Венеры (Геспера). Собравшие, бодрствовавшие всю ночь, ощущают не усталость, а прилив жизненных сил, продолжая днем обсуждать услышанное, что является метафорой духовного возрождения, включающего христианское представление о бодрствовании души (противоположной духовной лени) во время пути через смерть (духовный запад, любовь земную) к обновлению (духовный восток, Любовь Небесную). В последний день происходит пробуждение душ от смертного сна, выход из пещеры незнания, гармонизацию души с природным порядком: «уже утро, — ответил мессер Чезаре и указал на свет, пробивавшийся через щели между ставнями. <...> занялась прекрасная розовая заря и исчезли все звезды, кроме нежной правительницы неба — Венеры, хранящей границы ночи и дня» [\[4, с.529\]](#).

Таким образом, к концу книги фокус с облагораживания чувств, смещается на возницу-разум, управляющий ими, что должно привести к эвдемонии. Это закольцовывает композицию и возвращает нас к началу книги так же, как в мифе о пещере, познавший должен вернуться и вызволить из оков оставшихся, пребывающих во тьме невежества, и обратить свое знание во благо живущих [\[9\]](#). Согласно сократической традиции грех происходит от незнания, тогда как в библейской истории прародители совершили грехопадение, вкусив запретный плод познания, а гуманистическая мысль примиряет традиции, делая разум основанием добродетели, апеллируя к божественному Логосу, которым был сотворен и освещен мир [Ин.:1-4]. Бытие в силу его вечности и неизменности доступно только разуму, поэтому путь придворного лежит из тьмы греха и оков незнания к свету знания и добродетели.

Идеи платоников дополняются неоплатоническим восхождением: в огненном оперении взлетающей души Бембо продолжает метафору Плотина. Следуя за любовью, она возносится от чувственного аффективного вульгарного восприятия телесной красоты к бестелесному воображению, которое поднимается от образа тела к созерцанию всеобщей красоты (душа уподобляется птенцу, меняющему пушок на оперение, но привязана к гнезду – органам чувств); затем душа открывает очи разума и, зажжённая небесной Любовью, поднимается к интеллектуальному ангельскому видению божественной Красоты [\[4, с. 398-400\]](#).

Завершается диалог на рассвете гимном Красоте и Любви – основах миропорядка согласно Платону и Данте: «Был ранний час, и солнце в тверди ясной / Сопровождали те же звезды вновь, / Что в первый раз, когда их сонм прекрасный / Божественная двинула Любовь» [«Ад» Песнь первая, ст. 37-40]. Красота интерпретируется как благо и причина возникновения любви, разделяемой платониками на Любовь разумную (небесную) и вульгарную (земную).

В трактате «О придворном» Б. Кастильоне излагается целостное представление об идеальной модели инкультурации, состоящей из совершенствования тела, облагораживания чувств и обучения разума для посвятивших себя политической жизни. Это образование не опирается на такие средневековые институты, как школа или университет. Искусства и науки, которым обучается придворный выходят за рамки тривиума и квадривиума, что указывает на стремление выйти за пределы средневековой

образовательной системы, превратить философию из служанки теологии в искусство, необходимое для управления государством, секуляризовать ее, сохраняя христианскую основу добродетелей и понятие общего блага.

Для данной модели необходим соответствующий тип учреждения, где будут учиться придворному искусству и, казалось бы, гуманисты должны предложить аристотелианский ликей, платоновскую академию или семью из идеального государства, но в процессе диалога становится очевидным, что сам двор становится тем местом, где придворный совершенствует свои практические навыки, мышление и добродетели, получает необходимый опыт управления. Гуманисты развивают идеи Ксенофонта, где в качестве наставников предлагаются опытные добродетельные люди, преуспевшие в том или ином искусстве (танце, музыке, живописи, военном и т.п.), включая государственное управление^[10]. Единственным упоминаемым способом инкультурации и приобщения к придворному искусству является наставничество, которое при помощи собственного примера и дружеской беседы позволяет передать физические навыки, опыт, знания, а также привить добродетели, без которых немислима благая жизнь. Периодически собравшиеся примеряют на себя идеал придворного, обнаруживая, что искомые качества так или иначе проявлены среди собравшихся и современников, достойных стать наставниками.

Таким образом, доброго подданного нужно воспитывать и прививать ему то, что не дано от природы. Б. Кастильоне описывает познание как неоплатоническое восхождение от земного и божественному вечному: от воспитания тела и облагораживания чувств к понимаю – от вожделеющей (желания) и страстной (воля) души к душе бессмертной (разум, интеллект). Эту модель он дополняет аристотелевским способом воспитания и обучения: природному (фюсис) прививаются добродетели и искусства сначала через привычку, повседневный телесный навык и опыт (этос), затем – через понимание или разум (логос) ^[1, т.4, с.614-615].

Таким образом, композиция текста строится по платоническому принципу восхождения от мира изменяющегося к миру идей, небесному: придворный / придворная -> государь -> государство -> Космос -> познание -> добродетельная счастливая жизнь в государственном служении. Придворный, познавая и созерцая Космос, обретается в добродетели и привносит божественную гармонию в государство. Форма диалога-игры также служит средством наставничества при помощи рассуждения, сократического диалога, аргументации и отстаивания своей позиции в полемике. Дискурс разворачивается от описания идеи придворного, которая экстраполируется на придворную даму, к появлению блестящего двора, цель которого – служение государству и государю, наставничество правителя в добродетелях, досуге и управлении, необходимых для мирного процветания государства.

^[1] «О философия, водительница душ, изыскательница добродетелей, гонительница пороков! <...> Ты породила города, ты соединила в общество рассеянных по земле людей, ты объединила их сперва домами, потом супружеством, наконец — общностью языков и письмен; ты открыла законы, стала наставницей порядка и нравственности <...> человеческая душа произошла от божественного духа и сравнима быть может только с самим богом <...>, если о душе долгое время заботиться и следить, чтобы зречь ее не омрачалась никакими заблуждениями, то она становится совершенным умом, безотносительным разумом, иными словами — добродетелью. И если блаженно все то,

что само в себе полно и закончено, а это — свойство добродетели, то ясно, что всякий, кто причастен к добродетели, блажен [\[15, с. 324, 335\]](#).

[\[2\]](#) «чтобы наш придворный был по рождению рыцарем, и чтобы род его имел добрую славу. Ибо нерадение о делах доблести гораздо меньше пятнает человека неблагородного, чем благородного, который уклоняется от пути предков, порочит родовое имя, не только не приобретая ему славу, но теряя приобретенную до него. Благородное происхождение — как яркий светильник, который освещает и делает видными добрые и дурные дела, воспламеняя и побуждая к доблести как боязнь бесчестия, так и надеждой на похвалу» [\[4, с.25\]](#)

[\[3\]](#) «...семья составляет часть государства,<...> необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю; и если это не безразлично для государства, стремящегося к достойному устройению, то надо иметь также достойных детей и достойных женщин.<...> женщины составляют половину всего свободного населения, а из детей потом вырастают участники политической жизни» [\[1, т.4, с.401\]](#).

[\[4\]](#) «люди весьма грубые, [разумеют под благом и счастьем] удовольствие, и потому для них желанна жизнь, полная наслаждений. Существует ведь три основных [образа жизни]: во-первых, только что упомянутый [животный], во-вторых, государственный и, в-третьих, созерцательный. <...> Люди достойные и деятельные (praktikoi) [понимают под благом и счастьем] почет, а цель государственного образа жизни почти это и есть» [\[1, т.1, с. 58\]](#).

[\[5\]](#) «Ты, прекраснейшая, преблагая, премудрая, приходишь из единства красоты, благодати и премудрости Божией, и пребываешь в нем, и в него, по нему, как по кругу, возвращаешься. <...> Ты приводишь в согласие стихии, побуждая природу производить то, что рождается в преемстве жизни. Ты соединяешь разделенное, несовершенному даешь совершенство, неподобному — подобие, враждующему — дружбу, земле — плоды, морю — спокойствие, небу — животворный свет» [\[4, с. 337-338\]](#).

[\[6\]](#) «Ты, сладчайшая связь мира, посредство между небесным и земным, благодатным умягчением преклоняешь горные добродетели к управлению теми, что ниже их, и, обращая мысли смертных к их первоначалу, их с ним сопрягаешь» [\[4, с.337\]](#).

[\[7\]](#) «И как естественный огонь очищает золото, так этот священнейший огонь в душах уничтожает, сжигает все смертное, животворя и украшая ту небесную часть души, что была прежде умерщвлена и погребена чувством» [\[4, с.337\]](#).

[\[8\]](#) «Прими наши души, сами себя тебе приносящие в жертву; сожги их на живом огне, прожигаям всякую брэнную некрасоту, чтобы они, всецело отделенные от тела, соединились вечной и сладчайшей связью с божественной красотой, а мы, отлучившись от самих себя, как истинно любящие, могли преобразиться в любимого и, вознеся их от земли, получили доступ на пиршество ангелов, где, вкушая амброзию и нектар бессмертия, наконец умрем счастливейшей и животворной смертью» [\[4, с.338\]](#).

[\[9\]](#) «Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, — это подъем души в область умопостигаемого. <...> в том, что познаваемо, идея Блага — это предел, <...> она — причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает

свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни» [\[6, т.3, с.298\]](#).

[\[10\]](#) «чему обязан был Фемистокл таким выдающимся положением в государстве <...>, общению ли с каким-нибудь ученым или своим природным дарованиям? Сократ <...> сказал, что если нельзя сделаться хорошим мастером в ремеслах без порядочного учителя, то было бы наивно воображать, будто способность к делу такой первостепенной важности, как управление государством, приходит к человеку сама собой» [\[6, с.116\]](#).

Библиография

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Под ред. В. Ф. Асмуса и др. М.: Мысль, 1976–1983.
2. Брагина А. М. От этикета двора к правилам поведения средних слоев: "Книга о придворном" Бальдассара Кастильоне и "Галатео, или О нравах" Джованни Делла Каза // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда* / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб.: Алетейя, 2001. Вып. 1. С. 196-215.
3. Жолудева Л.И. Трактат Б. Кастильоне «О придворном»: концепция «придворного» языка и итальянская национально-культурная идентичность // *Litera*. 2018. № 4. С. 251-258. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.4.28102 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28102
4. Кастильоне Б. Придворный / Пер. с ит. П. Епифанова. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021.
5. Кашей Н. А. Риторика раннего абсолютизма (Бальдасар Кастиглионе) // *Ученые записки НовГУ*. 2018. № 6 (18). С. 1-4.
6. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Пер. с древне-греч. С. И. Соболевского. М.: Наука, 1993.
7. Махо О. Г. Образы войны и науки в интарсиях урбинского студиоло Федерико да Монтефельтро // *Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой*. 2015. № 2 (37). С. 155-161.
8. Модель качеств личности будущих служащих органов публичной власти: методическое пособие / Под ред. Н. С. Гаркуши. М.: Президентская академия, 2025.
9. Назарова Ю. И. Идеальный придворный в контексте гуманизма эпохи возрождения (по трактату Бальдассаре Кастильоне "О придворном") // В сб.: *Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XL Всерос. науч. конф. "Курбатовские чтения"*. СПб, 2021. С. 306-311. EDN: RTNNUQ
10. Назарова Ю. И., Шадрин Н. А. Трактат Бальдассара Кастильоне как источник изучения специфики придворной жизни Италии XV-XVI вв. // *Казанский вестник молодых учёных*. 2021. Т. 5. № 2. С. 130-135. EDN: NRAZRQ
11. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Под ред. А. Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1990–1999.
12. Подшивалова П. И. Скульптурные образы в голландском портрете второй половины XVII в. Проблемы интерпретации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2024. № 4. С. 683-705. DOI: 10.21638/spbu15.2024.404 EDN: ETYULB
13. Пророкова М. В. Особенности "спора о женщинах" в итальянском гуманизме XVI века // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2010. № 124. С. 78-89. EDN: NCBCTR
14. Рыков А. В. Классическое искусство, или универсальность лжи (к вопросу об интерпретации теоретического дискурса XVI-XVIII веков) // *Новое искусствознание. История, теория и философия искусства*. 2023. № 2. С. 87-90. DOI: 10.24412/2686-7443-2023-2-87-90 EDN: GBZVNE
15. Цицерон М. Т. Избранные сочинения / Пер. с лат. Гаспарова М. Л. М.:

Художественная литература, 1975.

16. Чжан Ц. Лестница любви у Бальдассаре Кастильоне и Эдмунда Спенсера // Аналогии, связи, влияния. Межвузовский сборник научных статей. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. С. 184-192. EDN: ZMEDLX

17. Gulizia S. "Castiglione's 'Green' Sense of Theater" // Poetics and Politics: Net Structures and Agencies in Early Modern Drama / Ed. by T. Bernhart, J. Drnovšek и др. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. С. 101-118.

18. Jucker A. H. Conduct politeness versus etiquette politeness: a terminological distinction // Journal of Politeness Research. 2024. Vol. 20. № 1. С. 87-109. DOI: 10.1515/pr-2023-0071 EDN: PAYONZ

19. Leushuis R. Castiglione and Platonic Love // Platonic Love from Antiquity to the Renaissance. Cambridge: Cambridge University Press eBooks, 2022. С. 258-274.

20. Paternoster A. The codification of nineteenth-century etiquette: On politeness, morality, rituals and discernment // Journal of Historical Pragmatics. 2023. № 24(1). С. 160-178. DOI: 10.1075/jhp.00069.pat EDN: OWHNBQ

21. Till D. "Simulatio/dissimulatio – Stellung/Verstellung: Rhetorik, höfische Verhaltenslehre, Ethik (mit Überlegungen zur Rezeption von Balthasar Graciáns Handorakel in Deutschland)" // Rhetorik. 2024. Vol. 43. № 1. С. 25-42. DOI: 10.1515/rhet-2024-0003 EDN: OYVCVA

22. Wareh P. 1 Imprinting and performance in Castiglione's Book of the Courtier // Courteous exchanges: Spenser's and Shakespeare's gentle dialogues with readers and audiences. Manchester: Manchester University Press, 2023. С. 39-72.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Совершенствование тела, облагораживание чувств, обучение разума: об идеальной модели инкультурации в раннее Новое время» представляет собой историко-философское исследование инкультурационных практик раннего Нового времени (Венеция, начало XVI века), источниковой базой исследования является текст итальянского автора Бальдассаре Кастильоне «Придворный» (*Il Libro del Cortegiano*), который автор рассматривается как «исторически достоверное свидетельство о реальных социокультурных практиках эпохи, оказавших существенное влияние на европейскую светскую культуру». Работа таким образом содержит потенциал для междисциплинарного исследования, т.к. автор обращается к тексту, одновременно иллюстрирующему культурные практики конкретного времени и места (Венеция, 1510-1520-ые гг.), а с другой стороны являющемуся примером возрожденческой инкультурации античного наследия и христианских принципов. Автор не вполне воспользовался этими возможностями, сосредоточившись преимущественно на отражении в тексте Кастильоне платонических/неоплатонических мотивов и идей, что составляет безусловно важный, но не единственный аспект текста. Структурно работа сведена по сути к комментированному пересказу содержания текста Б. Кастильоне, научно-методический сегмент работы выражен слабо, характеристика источника дана поверхностно, обзор литературы по предмету исследования, равно как по общей проблематике инкультурации раннего Возрождения отсутствует: при том что библиографический список содержит достаточное количество российских и зарубежных

публикаций, их развернутый анализ отсутствует. Единственная указанная смысловая параллель, которую автор счел нужным упомянуть - между текстом Б. Кастильоне и методическим пособием «Модель качеств личности будущих служащих органов публичной власти: методическое пособие / Под ред. Н. С. Гаркуши (2025) - вызывает некоторое недоумение. Методология, новизна исследования, полемика относительно иных концепций, актуальность исследования не заявлены, в итоге поле исследования рецензируемой работы представляется значительно суженым по сравнению с изначально открывавшимися перспективами. Стилистически и композиционно работа, таким образом, скорее представляет собой историко-философское эссе, нежели полноценную научно-исследовательскую работу. В этом качестве работа вполне состоятельна и может представлять интерес для читателя, т.к. дает некоторое представление о самом тексте (Бальдассаре Кастильоне «Придворный»), общем контексте его создания, сюжете и проблематике текста. Выводы по итогам исследования носят довольно ограниченный характер, касаясь опять-таки сути транслируемых в конкретном тексте принципов и идей, без попыток экстраполяции, обобщений и т.д.: "В трактате «О придворном» Б. Кастильоне излагается целостное представление об идеальной модели инкультурации, состоящей из совершенствования тела, облагораживания чувств и обучения разума для посвятивших себя политической жизни. Это образование не опирается на такие средневековые институты, как школа или университет.. и т.д." Таким образом работа представляет определённую ценность именно в историко-философском анализе античного влияния на конкретный текст Б. Кастильоне. Рецензируемый текст рекомендуется к публикации.